

РОМАНТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТОНИКА
ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ ГЮГО "ТРУЖЕНИКИ
МОРЯ"

Особое место романа "Труженики моря" в творчестве Гюго определяет в предисловии сам автор, говоря о тройственном *ананке*¹ — *ананке* догматов, довлеющем над героями "Собора парижской богоматери", *ананке* законов, преследующем "Отверженных" и *ананке* слепой материи, в романе "Труженики моря", который таким образом становится как бы продолжением первых двух шедевров.

"Слепая материя" — стихия природы, с которой вступает в борьбу верховное *ананке* — человеческое сердце, является главным мотивом, образующим романное пространство.

Огромное значение, придаваемое стихии природы, подчеркивает композиционное своеобразие романа: собственно первой части предшествуют 22 главы описаний ламаншского архипелага — его ландшафта, климата, истории, но главное — океана, властвующего над землей и людьми. Бесконечно великий, пластичный, постоянный и изменчивый, океан становится материалом для моделирования романтического мира. Грандиозные битвы вод и ветров, сходящихся по велению неведомой силы — не просто пароксизмы природы, это мир, в котором рождаются, живут, страдают и вновь растворяются в небытии населяющие его персонажи романа. Движение этого мира — вихри, спирали, чередования покоя и взрыва, приливов и отливов, зыби и шторма — отражает романтическое представление о законе Бытия, о реальности как единстве порядка и хаоса, формы и бесформенности. "Вечна материя, но не форма ее. Смерть постоянно преобразует все сущее...Все меняет форму, даже бесформенное".² На обглоданных океаном скалах, в израненных человечес-

¹ АНАГКН — рок, судьба (греч.)-

² В.Гюго, Труженики моря, с.соч.в.15 т., т.9, с.50.

ких судьбах и даже в звериной сущности спрута — тот же отпечаток неведомой воли, великой стихии, божественного мироздания.

Но в романтизме, признающем величие божественного мироздания, есть место человеку — смертному, но не жалкому, слабому порой, но великому духом: "Тот, кто обречен на смерть, чья короткая жизнь лишь постепенное умирание, посягает на вечность".³

Глава *Sub umbra* (во мраке) — одна из самых знаменательных не только в творчестве Гюго, но и в европейском романтизме, здесь наиболее полно и ярко раскрывается философское и поэтическое мироощущение целого поколения. Космическая картина мира представлена ночью, глубокой бездонной мглой: "Тут воедино смешались все тайны: тайны вселенной и тайны рока, их не в силах постичь человеческий рассудок".⁴ Но не постигая тайн вселенной разумом, человек способен многое постичь душой, которая "воспаряет, просветленная глубоким изумлением" перед великой творческой энергией мира, наполненного для диалектика Гюго постоянным движением. "Там необозримое перемещение светил, сонмы звезд, сонмы планет, пыльца Зодиака, *quid divinum* токов, испарений, поляризаций, тяготений; там влечение и отталкивание, могучий прилив и отлив враждующих космических сил, там невесомое свободно парит среди центров притяжения; источники жизни в небесных телах, свет вне этих тел, блуждающие атомы, зародыши, рассеянные повсюду, кривые линии оплодотворяющего полета, брачные союзы и битвы, неслыханное изобилие, фантастические расстояния, ошеломляющие круговороты, стремительный бег миров в бесконечность, чудеса, преследующие друг друга во мраке, механизм, пущенный в ход раз и навсегда, дуновение от пробегающих по своей орбите планет, ощутимое вращение колес".⁵

Поразительное сочетание *движения и покоя* в романном пространстве — только одна из антитез, составляющих его архи-

³ Там же, с.51

⁴ Там же, с.300

⁵ Там же, с.303

тектонику. "Универсальная антитеза" лежит в основе эстетической концепции Гюго, изложенной и в предисловии к "Кромвелю" и, позже, в предисловии к собранию сочинений Шекспира, где великий романтик проводит аналогию между антитезой в природе и антитезой в искусстве. Каждое явление — человек или вещь — рождены в борьбе противоположностей и представляют собой их единство. Так, в "Тружениках моря" остров Гернсей предстает с одной стороны прелестным, с другой — ужасным, насекомые — одни омерзительны, другие очаровательны, море то злобно рычит, то мирно блеет, крестьянин читает Энциклопедию, невежда очень умен и так далее. Особенно выразительно описание спрута, это "чудовищная звезда", "дракон-мимоза", обладающий "тонкой восприимчивостью клавиатуры", но даже эту чудовищную тварь посещает любовь, и тогда она фосфоресцирует, "прихорашивается", "расцветает бледным сиянием, словно призрачное солнце". Подобное сочетание *прекрасного и ужасного, возвышенного и низменного* создает необычайно живописное и разнообразное пространство романа.

В мировоззрении Гюго мир предстает как гармоничная система, в которой одновременно происходят процессы *созидания и разрушения*. Основной образ романа — море — поглощает и рождает острова, моделирует землю, создает шедевры зодчества под водой, которые само же и разрушает. Созидание и разрушение Гюго видит и в чередовании *жизни и смерти* в природе: "На шелковой китайской ткани... изображена акула, пожирающая крокодила, пожирающего змею, пожирающую орла, пожирающего ласточку, пожирающую гусеницу. Вся природа на наших глазах пожирает и сама пожирается. Жертвы поедают друг друга."⁶ По философской концепции Гюго жизнь питается смертью, смерть требует погребения и находит его в других жизнях, и человек, как животное плотоядное, тоже становится могильщиком: "мы сами — гробницы".

В романном пространстве "Тружеников моря" часто встречается и антитеза *порядок и хаос*, которая вписывается в

⁶ Там же, с.363

представление Гюго о мире, в котором эти категории никем не установлены навсегда, и который поэтому постоянно находится под угрозой погружения в хаос. Однако хаос — это только момент процесса, когда реальность не поддается ни пониманию, ни дифференциации, ни упорядочению, и только когда этот момент проходит, человеку дозволяется привести свой полуразрушенный мир в некоторый, может быть временный, порядок. В этом он видит свою миссию. Так Жильят создает новый порядок из остатков кораблекрушения только после бури: "Вещественные следы кораблекрушения были разобраны и словно отмечены ярлычками. То был сам хаос, спрятанный в кладовую."⁷

В природе, где наиболее явно проявляются хаос и порядок, они часто сочетаются с категориями *прекрасного и уродливого*: "Ужас первобытного хаоса оставил след на вселенной. Рубцами покрыты великолепные творения. Безобразное иногда ошеломляет, примешиваясь к прекрасному и как бы восставая против порядка вещей."⁸ Почти все описания природы строятся на сочетании величия и ничтожности: скалы похожи на королей и каменных жаб, на фоне прекрасного ландшафта ютятся жалкие лачуги и т.д.

В видении Гюго ничто не постоянно, явления меняют свое назначение, а порядок, даже временный — относителен: "Иные хибарки были прежде баркасами; корпус опрокинутого судна — готовая крыша. Корабль килем вверх — храм, куполом вниз — судно; перевернутый молитвенный дом укрощает морскую бездну".⁹ Даже кажущаяся незыблемой скала предстает взору то как треножник, то как лев, затем превращающийся в ангела с крыльями, наконец — в фигуру читающего человека.

В хаотичности мира океан как главный элемент романного пространства, занимает особое место, что подчеркивается и драматичной напряженностью описаний, и решающей ролью в событиях романа. Крушение "Дюранды", вызов, брошенный сти-

⁷ Там же, с.271

⁸ Там же, с.19

⁹ Там же, с.20

хии Жильятом, его испытания, буря, спрут — все сюжетно связано с океаном, но главное — это представление о бесконечном, хаотичном, "трепещущем" пространстве, по прихоти своей то враждебном, то подвластном человеку. "Разум непобедим, но и стихия неодолима. Что делать с ускользающей вездесущностью?.. Вихри сражаются, сокрушая, и защищаются, исчезая... Они владыки хаоса... Они ничего не слышат, их же всегда слышно. То, что они учиняют, похоже на преступление. Сколько кощунственной жестокости в кораблекрушениях! Какое надругательство над провидением! Порой кажется, что они оплевывают самого господ Бога."¹⁰

В многообразии и причудливости живых существ, Гюго видит еще одно проявление мирового беспорядка. В расщелинах скалы Дувр "кишмя кишат омерзительные твари. Там идет взаимное истребление. Крабы пожирают рыб и сами становятся чьей-нибудь пищей. Во тьме снуют страшные живые существа, не созданные для человеческого глаза. Смутные очертания пастей, усиков, щупальцев, плавников, перьев, разверстых челюстей, чешуи, когтей, клешней, скользят, колеблются, разбухают, растворяются и исчезают в злоеющей прозрачной толще. Обитатели морских глубин носятся устрашающими пловучими роями, творя то, что им предназначено. Там настоящий улей чудовищ."¹¹ Но вся бесформенность, на которую способна природа, сконцентрирована в спруте, этом "комке слизи, обладающем волей", "полом изгибе на волне", этой "пустоте, вооруженной щупальцами". Его субстанция неопределенна, он — "пепел, живущий в воде", он прирастает к жертве "при помощи пустоты", у него нет ни органов, присущих другим живым существам, ни внешней и внутренней сторон, т.к. "его восемь щупалец можно вывернуть как пальцы перчатки". Самим существованием своим спрут как эмблематическая фигура в представлении Гюго о мире становится "видимым пределом кругов мрака", обозначая "переход нашей действительности в другую".

¹⁰ Там же, с. 324

¹¹ Там же, с. 189

Романное пространство "Тружеников моря" имеет еще одну важную особенность — оно освещено и, в соответствии с романтической концепцией автора, содержит в равной степени свет и тень. В течение всего романа Гюго представляет множество картин, в которых ослепительный свет мгновенно сменяется полным мраком или антистетичные категории парадоксально сочетаются в "озаренной тьме". Игра света и тени присутствует во всех описаниях океана, бурь, ураганов, подводного мира, здесь кистью мастера воссоздается живой, дышащий пейзаж, напоминающий полотна великих художников-маринистов: читатель "видит" и "белую тьму" тумана, и "рассеянную бледность" солнца, и фосфоресцирующего во тьме спрута, и "темноту дня и освещенность ночи". Но тень — не только антитеза света, она символизирует состояние человека, стремящегося проникнуть если не взглядом, то мыслью вглубь непонятного загадочного мира, т.к. "смотреть во тьму — значит не просто смотреть, а созерцать ее". Мрак красноречив в своем безмолвии, и именно во мраке наконец появляется необходимый компонент романтического мировосприятия — Бог — "понятие неограниченное. Оно в самом человеке. Силлогизмы, споры, отрицания, системы, религии проходят мимо, не умаляя его. Понятие о нем дает вся безмерность тьмы". Тайна мироздания устрашает, но и привлекает человека, и Гюго верит в его способности если не понять, то ощутить, постичь ее неким озарением, т.к. "повсюду непонятное, непостижимого нет нигде". Свет и тень придают особую психологическую окрашенность и отношениям героев: Дерюшетта "излучала сияние" во время своего обручения, в то время как "ввалившиеся глаза Жильятта были полны мрака", "залитые солнцем" уплывали счастливые молодожены на корабле, постепенно превращающемся в "точку, сверкавшую под солнечными лучами", а прикованный к ней взгляд умирающего Жильятта "темнел подобно меркнушему небу".¹²

Таким образом, романное пространство "Тружеников моря" — произведения, созданного на закате романтизма, в 1866

¹² Там же, сс.442-445

году — наиболее полно отражает мировосприятие не только Гюго, но всего его направления. В отличие от классического видения мира, унаследованного от Декарта, Ньютона, просветительского рационализма, с их метафизической эвклидовой моделью, романтизм представляет мир как вечно изменяющееся единство контрастных, взаимоисключающих, но и взаимосвязанных форм и понятий. Вселенная видится романтику постоянной метаморфозой мироздания, но в роли, которая отводится аналогиям и соответствиям, очевидно стремление обнаружить связи между разными уровнями бытия, и воссоздать картины единого, пусть непознаваемого, мира. Романтик, по выражению Г.Гюсдорфа, "ясности просвещения противопоставляет ясность озарения"¹³ и, даже сознавая, что это озарение никогда не даст верной и полной картины мира, все же предпочитает его, т.к. только благодаря озарению возможно проникновение в такие тайны, какие неподвластны трезвому рассудку.

Именно благодаря озарению Гюго удалось воссоздать на наш взгляд типичное для романтизма представление о мире — динамичном и вечном, зыбком и незыблемом, светлом и мрачном, чудесном и жестоком, прекрасном и уродливом, умирающем и вечно возрождающемся. Дialeктически взаимообусловленные контрастность и единство этого мировосприятия выражены посредством антитез, на которых и построена архитектура романного пространства "Тружеников моря".

¹³ G.Gusdorf, *Fondements du savoir romantique*. P. Payot, 1982, p.202